

ЯПОНИЯ: ПОПЫТКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИИ. ЧИТАЯ КНИГУ А.А. КОШКИНА «РОССИЯ И ЯПОНИЯ: УЗЛЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ»¹

В.С. Мясников

Изучение российско-японских отношений достаточно давно ведется в отечественном и зарубежном востоковедении. Были опубликованы источниковедческие труды и монографии известных ученых, в которых был детально рассмотрен весь исторический процесс познания народами двух стран друг друга². Новая книга одного из ведущих специалистов по современной Японии, д.и.н., профессора А.А. Кошкина отличается от предыдущих публикаций по этой проблематике тем, что в ней основной акцент сделан на тех событиях, которые осложняют сегодняшние отношения двух держав. Автор назвал их узлами противоречий.

В монографии детально анализируются исторические факты и связанные с ними документы как русской, так и японской стороны³. Некоторые из них японская историография и политология интерпретируют как доказательства «прав» Страны восходящего солнца на русскую территорию. Причем сильной стороной исследования является прекрасное знание автором именно документов и литературы на японском языке.

Работа А.А. Кошкина, которая строится на анализе российских и японских аргументов, вышла в свет в дни, когда взаимоотношения Японии с нашей страной в конце 2010 г. в очередной раз осложнились. Каково происхождение сегодняшних сложностей и в чем их сущность? У каждого явления в международных отношениях есть внешняя сторона и

внутреннее содержание. Сначала остановимся на внешней стороне.

Хроника событий второй половины 2010 г. была такова: 23 июля Президент РФ Д.А. Медведев подписал принятый Государственной Думой и одобренный Советом Федерации Федеральный закон о внесении изменений в пункт первый статьи первой Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России». В результате 2 сентября — день, когда Япония в 1945 г. подписала акт о безоговорочной капитуляции — был объявлен памятным для нашей страны днем окончания Второй мировой войны. Таким образом, в год 65-летия Победы Россия впервые с 1948 г. отмечала окончание Второй мировой войны вместе с остальным миром⁴.

26 сентября Президент РФ Д.А. Медведев в рамках государственного визита в Китай посетил отреставрированный мемориал русских и советских воинов в Порт-Артуре⁵ и официально открыл его. Во время встречи президента с группой российских и китайских ветеранов Д.А. Медведев подчеркнул, что очень важно не допускать искажения истории; «Мы должны совместно заботиться о памяти будущих поколений, не допуская какого-либо искажения исторических событий. Мы должны отстаивать правду о событиях той войны, тем более что есть силы, которые пытаются изменить эту историческую правду»⁶.

После государственного визита в Китай Президент РФ Д.А. Медведев плани-

ровал посетить Дальневосточный регион России, в частности остров Сахалин и Курильские острова. 27 сентября о предстоящей поездке российского лидера появилось сообщение в СМИ.

Японское правительство отреагировало на это сообщение в духе холодной войны⁷. Премьер Японии Наото Кан в тот же день, когда о планах Д.А. Медведева сообщили СМИ, подчеркнул на пресс-конференции, что позиция Токио в отношении Курильских островов «осталась неизменной». Тогдашний глава МИД Японии Сэйдзи Маэхара 29 сентября отметил, что «поездка Дмитрия Медведева на наши северные территории (выделено мной. — Авт.) может прямым образом повлиять на отношения двух стран», а пресс-секретарь японского правительства Ёсита Сенгоку заявил, что Япония просила Президента России отказаться от визита на острова. По словам этого японского официала, «Токио донес до российской стороны свою точку зрения».

В сентябре сильный тайфун помешал Президенту России совершить полет на Курилы, но он посетил Кунашир 1 ноября 2010 г. Как подчеркивалось в комментарии МИД РФ по поводу негодования японских властей: «Это наша земля, и российский президент посещал российскую землю, российскую территорию, российский регион». В последующие месяцы на Курилах побывали такие высокопоставленные представители правительства, как Игорь Шувалов, Виктор Басаргин, Анатолий Сердюков.

Седьмого февраля 2011 г. в Японии отмечался очередной, на сей раз юбилейный⁸, «день северных территорий». Прозвучавшие в этот день рекордно жесткие слова премьера Наото Кана о «непозволительной грубости» Д.А. Медведева способны, как считают эксперты, укрепить «те силы в Москве, которые считают необходимым завершить поиск золотой середины и навсегда закрыть тематику принадлежности Курильских островов в

общении с Токио»⁹. В мае 2011 г. на Курилах вновь побывала российская правительственная делегация, в связи с чем 15 мая японское правительство выразило протест.

Каково же внутреннее содержание такой реакции Токио? Как дух холодной войны связан с духом Ямато?

На эти вопросы и отвечает монография А.А. Кошкина, в которой исследуются противоречия между Японией и Россией. Сам термин «противоречие» в лингвистическом смысле означает положение, при котором что-либо одно исключает другое, несовместимое. Но есть и его философское толкование: диалектическое отношение между противоположными (т.е. взаимосвязанными и в то же время существенно различающимися, взаимно исключаящимися) сторонами, свойствами предмета, внутренне присущее явлениям природы и общества как источник развития объективного мира и познания. «Противоречие, — писал Гегель, — ...есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно». Можно ли завязать противоречия в узлы? Об этом даже Гегель ничего не смог сказать, потому что великий и могучий русский язык не был ему знаком. Таким образом, примененный автором термин отнюдь не означает несовместимости взаимных отношений двух стран, а наоборот, утверждает, что в них есть внутренний заряд развития. Если развитие мешает узел, то его следует либо развязать общими усилиями, либо разрубить героическим усилием одной из сторон.

Судя по содержанию работы, первым «узлом противоречий» выступает различная интерпретация российской и японской историографией этапов освоения русскими Курильских островов и Сахалина и фактов пребывания там японцев в XVII — первой половине XIX столетия. Экспедиция Ивана Козыревского (1713) открыла русским всю грядку Курильских

островов, нанесла ее на карту и подошла к берегам Японии. Картографы Иван Евреинов и Федор Лужин в 1721 г. представили Петру Великому «Отчет» об экспедиции на Курилы и карту архипелага. «В Отчете содержалось важное сообщение, что на Курилах японцев не было», — подчеркивает А.А. Кошкин (с. 14). Первыми вступили в контакт с японцами у их главного острова Хонсю участники экспедиции Мартина Шпанберга (1738–1739). При этом они отметили, что «под властью японского хана только один Матмай (Хоккайдо. — *В.М.*) остров, а прочие острова¹⁰ неподвластны» (с. 15).

Рассматривая японскую историографию, А.А. Кошкин отмечает такой важный факт, как отсутствие в XVIII в. японского суверенитета над северной частью Хоккайдо¹¹. Об этом свидетельствует исходивший от главы центрального японского правительства Мацудайра документ, датированный октябрём 1792 г. и гласивший, что «район Нэмуру не является японской землей» (с. 23). В монографии подчеркивается, что русское правительство было обеспокоено не столько возможным противодействием Японии утверждению России на Курилах и Сахалине, сколько активностью американского, британского и французского флотов в этом регионе.

Следует добавить, что существовало препятствие, которое в течение более полутора столетий не давало русским возможности осваивать Тихоокеанское побережье и прилегающие острова, а также развивать отношения с Японией и Кореей. Этим препятствием были условия Нерчинского договора 1689 г. с империей Цин. Русское государство, отступив из Приамурья, оказалось отрезанным от главной широтной магистрали — Амура. Так был потерян наиболее удобный выход в Охотское и Японское моря. Поэтому русское правительство в течение всего XVIII в. прилагало постоянные усилия, чтобы добиться от Пекина права на плавание по великой дальневосточной ре-

ке¹². При этом оно было заинтересовано в установлении торговых отношений с Японией. Итальянец на русской службе Н.П. Крисниц, побывавший в Пекине в составе посольства Льва Васильевича Измайлова, в своей реляции в Коммерц-коллегию, подготовленной 25 апреля 1722 г., дал вполне реальное описание Японии и торговли с ней китайцев и голландцев¹³.

Следующий «узел противоречий» возник в начале XIX в., когда японское правительство отказалось принять посла Н.П. Резанова — государственного деятеля, одного из основателей Российско-Американской компании, почетного члена Петербургской академии наук. Н.П. Резанов был инициатором первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 гг., на кораблях которой он и прибыл в Нагасаки. В ответ на предложение установить добрососедские отношения и торговые связи Н.П. Резанову был зачитан указ сегуна Иэнари, заключительные слова которого звучали как приказ: «Не тратьте напрасно усилий и расходов, приходя с этим вновь. Отплывайте немедленно!» (с. 37). А.А. Кошкин назвал этот раздел книги «От ворот поворот» (с. 33). Следует заметить, что в это время в Японии были получены новые сведения о России и Европе. Их сообщили четыре японских моряка, прибывшие кораблекрушением к российским берегам и возвращенные в Японию Н.П. Резановым¹⁴.

Заметим, что этот прискорбный инцидент с Н.П. Резановым не был единственной неудачей русской дипломатии в указанный период в этом регионе. Дело в том, что миссия Н.П. Резанова¹⁵ была лишь частью обширного плана укрепления позиций России в Восточной Азии путем установления торгово-экономических связей от Аляски через Японию и Китай до столицы Дурранийской державы — Кабула. Этот план был предложен министром коммерции Н.П. Румянцевым в феврале — марте 1803 г.¹⁶ императору Александру I. Его

главной составляющей была миссия в Китай, которую возглавил граф Ю.А. Головкин в ранге чрезвычайного и полномочного посла¹⁷. Одним из пунктов переговоров русского посла в китайской столице был вопрос об открытии плавания русских судов по Амуру. Но это посольство не смогло преодолеть препятствия, чинившиеся цинскими властями, и проехать далее Урги. Миссия окончилась полным провалом. Одновременно с планировавшимся прибытием Ю.А. Головкина в Пекин корабли первой кругосветной экспедиции должны были зайти в Гуанчжоу (Кантон), чтобы попытаться получить право на торговлю в этом портовом городе. Этот визит состоялся, но цинское правительство ответило отказом на попытку России установить с Китаем морскую торговлю и даже попыталось арестовать русские корабли¹⁸.

Кстати, находясь близ русско-китайской границы, Ю.А. Головкин к 11 апреля 1806 г. подготовил «Проект создания экспедиции для описания Камчатки и Курильских островов». Уже направляясь в Петербург, он до июня того же года занимался экспедицией на Курилы¹⁹.

Наиболее крепким «узлом противоречий», доставшимся обеим сторонам от XIX столетия, служит Симодский трактат 26 января 1855 г. Он был подписан крупным русским военачальником и дипломатом Евфимием Васильевичем Путятиным. В Петербурге решили направить к японским берегам именно Е.В. Путятину потому, что он имел опыт морских экспедиций, так как в 1822–1825 гг. совершил кругосветное плавание к берегам Северной Америки под командой М.П. Лазарева. Он преуспел и в сражениях у Черноморского побережья, будучи командиром фрегата. Но и в дипломатии он не был новичком, так как в 1842 г. успешно провел переговоры с персидским шахом. По его указанию была учреждена военная станция в Астрабадском заливе Каспия, он добился расширения русской торговли на Каспийском

море и в самой Персии, принял меры по разграничению морского бассейна и настоял на открытии пароходного сообщения между устьем Волги, Кавказом и Персидским побережьем. Примерно такие же задачи возлагались и на его миссию в Японию, с той только разницей, что там надо было сначала установить дипломатические отношения.

Но миссия в Японию была, пожалуй, самой трудной и драматичной в истории русской дипломатии того периода. С одной стороны, были существенные успехи в освоении Россией Тихоокеанского побережья. Г.И. Невельской в 1848–1849 и в 1850–1855 гг. исследовал Сахалин и доказал, что он является островом. Ему же принадлежала и честь открытия Татарского пролива и выхода из Амура в океан. С другой стороны, в первые десятилетия XIX столетия японские власти взяли курс на вытеснение русских с Сахалина и Курил вооруженным путем, «исходя из того, что “атака является лучшим средством обороны”» (с. 44). Действительно, «всегда атакуй» это одна из заповедей главной японской религии — синтоизма.

Не успел фрегат «Паллада» покинуть Петербург, как началась Крымская война. Она распространилась и на северную часть Тихого океана. В дни, когда русско-японские переговоры вступили в решающую фазу, пришла весть о Петропавловской обороне 18–24 августа 1854 г., в ходе которой генерал-майор В.С. Завойко отразил нападение англо-французского десанта, защитив Петропавловск-Камчатский. Однако Севастопольская оборона 1854–1855 гг. завершилась 27 августа 1855 г. падением Севастополя. Англо-французская эскадра пыталась уничтожить русские суда в порту Охотска. Но русских спас сильный туман. Охотилась «просвещенные европейцы» и за кораблями Путятин. В целом 1855 г. был отмечен дипломатической изоляцией России. Япония же, учитывая поражение Китая в первой опиум-

ной войне и подписание им навязанного Англией неравноправного Нанкинского договора 1842 г., принимает решение об организации на государственном уровне морской обороны страны, на основе восьми стратагем, предложенных Сакума Сёдзан²⁰.

В монографии А.А. Кошкина наиболее детально и полно (по сравнению с другими работами) излагается ход переговоров Е.В. Путятин в Нагасаки и Симода в 1853–1855 гг. Важным фактором для обеих сторон были действия американской военной эскадры, которой командовал адмирал Мэтью Колбрайт Перри. Под угрозой обстрела столицы Эдо он вынудил японское правительство подписать в 1854 г. договор, положивший конец политике изоляции Японии и открывавший для американской торговли порты Хакодате и Симода. Очень интересно приведенное автором моральное осуждение японским писателем американского адмирала (с. 47–48). Конечно, кто мог ворваться в японские воды на своих «черных кораблях» и заставить под дулами их пушек подписать договор? Только человек, «гордыня и раболепство» которого соседствовали «словно две стороны одного листа бумаги» (с. 48).

Русский посол действовал исключительно методами дружелюбного убеждения. Кульминацией путятинской драмы были события 11 декабря 1854 г., когда в результате мощного землетрясения и цунами фрегат «Паллада» потерпел крушение. Членам посольства и команде удалось спастись, но они оказались отрезанными на чужом берегу. Японская сторона, не идя на уступки в переговорах, тем не менее, проявила гуманность к потерпевшим бедствие. Японцы помогли построить новый корабль, на котором русские смогли возвратиться в отечество. В конце концов на уступки в территориальном размежевании пришлось пойти Путятину. Симодский трактат был подписан Евфимием Васильевичем Путятиным 26 января 1855 г. Трактат о тор-

говле, в преамбуле которого говорилось, что он должен «поставить между Россией и Японией мир и дружбу», определял границу по проливу Фриза. Причем Уруп и прочие Курильские острова к северу составляли владение России. Сахалин оставался неразделенным между двумя странами. Порты Симода, Хакодате и Нагасаки открывались для русской торговли.

Японские историки высоко оценивают действия Путятин. Не случайно в 1994 г. в японском городе Фудзи был открыт памятник Е.В. Путятину²¹. Но и по возвращении в Петербург он был награжден графским достоинством.

Вот как характеризует этот договор современный французский историк, иностранный член Российской академии наук д'Анкокс Элен Каррер: «...В 1855 г. Адмирал Путятин подписал с Японией договор, по условиям которого ей передавались три Курильских острова. Чтобы понять, что представляли собой эти острова для России, необходимо рассматривать отношения с Японией в рамках глобального понимания ее международных интересов. Долгое время русские монархи хотели открыть для своих судов японские порты. В XIX в. интерес России к Японскому архипелагу рос по мере того, как все европейские великие державы и Соединенные Штаты укрепляли там свои экономические и политические позиции. Россию это тем более беспокоило, что Япония находилась в непосредственной близости от ее дальневосточных земель. К тому же четких границ между японскими и русскими базами на островах не было и рыболовство на Сахалине служило предметом конфликтов сторон...

Договор был подписан 26 января 1855 г. Япония согласилась открыть порты Хакодате, Нагасаки и Симода для русских судов; туда были назначены русские консулы. Россия в обмен на это зафиксировала русско-японскую границу между островами Итуруп и Уруп, т.е. оста-

вила Японии три Курильских острова и признала неразделенность острова Сахалин»²².

Вскоре правительство вновь направило Путятина в Восточную Азию в качестве полномочного посла. 1 июня 1858 г. ему удалось подписать Тяньцзинский трактат с Цинской империей. Этот договор уравнивал Россию с США, Великобританией и Францией в условиях политических взаимоотношений с Китаем. Кроме того, в нем были статьи о торговле и определении границ, изменении регламента и порядка финансирования Русской духовной миссии в столице Поднебесной²³. В Японии как раз начал править (1858–1866) сегун Иэмоти Токугава. В августе 1858 г. Путятин и с Японией заключил новый договор о торговле. По нему русские подданные получили право путешествовать внутри Страны восходящего солнца, а также оговаривалось право русского правительства содержать своего представителя в Эдо (Токио).

Рассматривая отношение японских правящих кругов к России после «Мэйдзи исин» — революции 1867–1868 гг., А.А. Кошкин отмечает рост националистических, милитаристских настроений среди правящих кругов Японии. Идеи завоевания Кореи, военного похода в Сибирь, заявления о том, что «в военном отношении Россия не представляет собой чего-либо серьезного. С одним батальоном можно идти до Петербурга» (с. 72), — это были первые ростки японского милитаризма. Конечно, можно вспомнить, что и Тоётоми Хидэёси не только мечтал о завоевании Китая, но и предпринял попытку сделать это²⁴. Но это была еще другая эпоха.

К последней четверти XIX в. на Дальнем Востоке произошло изменение стратегической ситуации. Император Александр II в 1867 г. «освободил» Россию от Аляски, которая перешла в ведение военного министерства США (до 1884 г.). 25 апреля (7 мая) 1875 г. в Петербурге

состоялось заключение нового русско-японского договора. По этому трактату «права на владение всем островом Сахалин получала Россия, а все Курильские острова переходили во владение Японии. <...> Хотя договор 1875 г. нередко называют “обменным”, — подчеркивает автор, — в действительности речь шла не об обмене одной территории на другую, а о сдаче Курил в обмен на формальное признание Японией российских прав на Сахалин, который и так фактически принадлежал России» (с. 75–76). Оба этих дипломатических шага привели к тому, что Россия без войны, а лишь в связи с нехваткой сил и средств на поддержание своего суверенитета на дальних окраинах империи, отступила на тысячи километров от ранее занимаемых рубежей. Посвященный этому периоду российско-японских отношений раздел книги А.А. Кошкина так и назван: «Дипломатия отступления». Как показывают дальнейшие события, и договор 1875 г. стал новым «узлом противоречий».

Однако не только упомянутые «два шага назад» определили неудачи дальнейшей внешней политики России в Восточной Азии и на Тихом океане, но и то, что можно назвать «иллюзорной» дипломатией. Вот как звучала, например, инструкция русскому посланнику в Токио М.А. Хитрово: «Ничто, по-видимому, не препятствует нашему сближению с этой страной, так как между нею и нами не существует никакой принципиальной противоположности интересов». Подозрительность Японии, указывалось в инструкции, вызвана страхами, что Россия хочет захватить Корею, но страхи эти лишены основания²⁵.

Петербург опасался тесного сближения Японии с Англией и Китаем. Конечно, это было отражением дипломатии «большой игры в Азии» — противоборства Британской и Российской империй. При этом сближение Японии с Китаем, по мнению Азиатского департамента МИД России, «могло бы совер-

шиться лишь в пользу последнего как сильнейшего из двух вышеназванных государств»²⁶. Этот документ был датирован 8 сентября 1892 г. Но уже 28 марта 1894 г. в Шанхае был убит Ким Он Кюн, лидер корейских реформаторов, ориентированный на Японию. Это была прелюдия японо-китайской войны 1894–1895 гг., которую российской дипломатии не удалось ни предвидеть, ни предотвратить и в которой Цинская империя потерпела тяжелое поражение.

По Симоносэкскому мирному договору, подписанному 17 апреля 1895 г., Япония добилась свободы рук в Корее, ставшей независимой, попыталась укрепиться на Ляодунском полуострове и получила во владение остров Тайвань. В связи с организованным Россией демаршем трех держав (к России присоединились Германия и Франция) Япония отступила с Ляодунского полуострова. Но не отказалась от получения от Китая контрибуции в 200 млн лан (примерно 400 млн руб. серебром). Таким образом, Япония заявила о себе как новая сила в регионе, государство, решившее проводить широкую военно-политическую экспансию. События на Корейском полуострове в свою очередь стали прологом такого метода разрешения противоречий, как японо-русская война 1904–1905 гг. (Мне представляется правильной позиция автора, который подчеркивает, что война эта должна называться не русско-японской, как это было принято, а японо-русской²⁷.)

Интересны приводимые А.А. Кошкиным планы правящих кругов Японии, касавшиеся России. Так, представитель японского правительства в Сеуле заявил в феврале 1893 г., что «Дальний Восток должен составлять достояние Японии и Китая, а Европа как их общий враг должна быть изгнана из этих краев». Он призывал «изгнать Россию из Сибири вплоть до Урала и обратить ее (Сибирь. — *В.М.*) в район для колонизации всех наций» (с. 81).

Поражение Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. заставило русское правительство пересмотреть свои подходы к ситуации на Дальнем Востоке в целом и к Японии в частности. В Петербурге были приняты стратегические решения: поддержать Китай и укрепить отношения с ним, ускорить строительство Великой Сибирской магистрали, приобрести на Тихом океане незамерзающий порт для усиливавшегося военно-морского флота России²⁸.

Эти решения были реализованы путем предоставления Китаю 24 июня 1895 г. 4% золотого займа в 400 млн франков для выплаты Японии репараций. Затем последовало подписание в Москве 22 мая 1896 г. секретного Союзного договора²⁹. Его первая статья гласила: «Всякое нападение, направленное Японией, либо против русской территории в Восточной Азии, либо против территории Китая или Кореи, повлечет за собой немедленное приложение настоящего договора. В этом случае обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, которыми они могут располагать в этот момент, и помогать друг другу, насколько возможно, для снабжения своих соответствующих сил»³⁰.

В ст. 4 этого же Договора России разрешалось, «чтобы облегчить русским сухопутным войскам доступ к угрожаемым пунктам и обеспечить их снабжение», построить через территорию Северо-Восточного Китая железную дорогу «по направлению к Владивостоку»³¹.

Наконец, 15 марта 1898 г. в Пекине между Россией и Китаем была заключена конвенция об аренде части полуострова Ляодун с портами Люйшунькоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний) и с прилегающим к ним водным пространством и территорией³². Разумеется, все эти меры сковывали возможности Японии проникнуть в Китай через его северо-восточные провинции. Ситуация еще больше усложнилась, когда в 1900 г. в

Цинской империи вспыхнуло восстание «ихэтуаней»³³, в ходе которого начались нападения на иностранцев³⁴. В Северо-Восточном Китае, где было много служащих Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), торговцев и других представителей первой волны эмиграции из России, жизнь многих из них подвергалась опасности. Под угрозой оказались и стратегические интересы России в регионе. Вместе с другими западными державами Россия провела операцию по «принуждению к миру»: ввела войска в Северо-Восточный Китай и приняла участие в освобождении от осады посольского квартала в Пекине. Но все эти шаги вылились в углубление противоречий в политике двух стран, начали завязывать их новый узел³⁵.

Говоря об активности русской дипломатии на Дальнем Востоке на грани XIX и XX столетий, японский дипломат Кикудзиро Исии так объяснил причину возникновения японо-русской войны 1904–1905 гг.: «Незнакомая с японской историей или умышленно не обращая на нее внимание, Россия опрометчиво бросилась в ту область, которую японская нация привыкла в течение двух тысяч лет связывать со своей безопасностью»³⁶. Что касается длительности контактов Японии с Кореей, то об этом никто не спорит. Двор Ямато, действительно, имел разносторонние связи с государствами Корейского полуострова, и, более того, во второй половине IV в. заключил военный союз с Пэкче для борьбы против Когурё³⁷. Но А.А. Кошкин гораздо четче вскрывает истинные причины японско-русского вооруженного конфликта. «Объективный анализ складывавшейся на Дальнем Востоке ситуации, — пишет он, — приводит к выводу о том, что Японско-русская война возникла в результате двух экспансионистских потоков со стороны царской России и императорской Японии. Свокорыстные интересы правящих кругов двух стран выросли в столь острое проти-

воречие, которое можно было разрешить только силой» (с. 92).

Ход войны детально излагается в том разделе книги, который носит заглавие «Черeda поражений»³⁸. Но в то же время автор монографии приводит убедительные доказательства того, что финал этого противоборства для России мог быть не столь унижительным. И материальные ресурсы, и дипломатические усилия могли бы привести нашу страну к вполне почетному миру (с. 101–111). Но возможность этого была смыта той революционной волной, которая прокатилась по России в 1905–1907 гг.

Боязнь победы революции, давление Англии и Франции, обострение ситуации в Турции и Персии привели Петербург к поспешности и уступчивости в переговорах о прекращении войны и подписании мирного договора. Япония получила Корейский полуостров под свой исключительный контроль в политической, военной и экономической сферах. Добилась она и приобретения Ляодунского полуострова с Порт-Артуром Дальним и Южно-Маньчжурской железной дорогой. Наконец, ей досталась и южная часть Сахалина³⁹. Японская сторона даже потребовала контрибуции. Но тут уж «Николай II гордо заявил, что не даст ни копейки, и де Россия никогда и никому не платила контрибуции». И все же «царское правительство выплатило 46 млн рублей золотом... за содержание русских пленных в Японии»⁴⁰.

Святитель Николай Японский, переживая поражения армии и флота, 4 (17) августа 2004 г. оставил в своем дневнике замечательную запись: «Несчастливая эта война с мыслью не идет, ко всему примешивается, и все портит; знать, патриотизм такое же естественное чувство человека, как сознание своего “я”. Что будешь делать! Нужно терпеть это непрерывное, мучительное колотье»⁴¹. И через два дня 6 (19) августа он анализирует сообщения японских газет: «Никогда прежде не чувствовал себя так груст-

но и одиноко. В церкви вчера и сегодня почти никого. В газетах Россия окончательно побита и ограблена: “Маньчжурия возвращена Китаю, Порт-Артур и Дальний сделались японскими; японцы, кроме того, взяли себе Сахалин, Камчатку, Сибирь до Енисея; проведенная Россией Маньчжурская железная дорога, конечно, сделалась японскою; сверх всего этого японцы взяли с России контрибуции тысячу миллионов рублей да еще хвалятся, что это весьма скромно и умеренно”. Вот и утешайся тем, что ты русский! Быть может, в России нечто подобное проделывают и с Японией, но так как русских газет сюда не доходит, то приходится быть односторонним, что так же неприятно, как если бы сквозной ветер продувал одну сторону тела, не касаясь другой, причем, как известно, возбуждаются ревматические боли, если ревматизм есть в теле»⁴².

Портсмутский договор был подписан 5 сентября 1905 г. В Токио он был встречен не ликованием, а народными волнениями. «Первоначальной причиной волнения, — повествует святитель Николай в своем дневнике 24 августа (6) сентября 1905 г., — служит недовольство заключенным миром. Почему с России не взята контрибуция? Зачем ей отдана половина Сахалина? Коно Хиронака, известный своим беспокойным характером политический деятель, подал петицию императору, чтобы делегаты были наказаны и мир не ратифицирован. В Хибипарке были зажигательные речи в тон этой петиции, остановленные полицией, с чего и загорелся сыр-бор». Огромная толпа всю ночь металась по городу, жгла полицейские участки и пыталась прорваться на территорию Русской духовной миссии, но была остановлена гвардейцами. На следующий день распространились слухи, что будет подожжен православный храм. Многочисленные зрители заранее занимали места, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Но, слава Богу, все обошлось⁴³.

Именно унижительность поражения, зафиксированная в Портсмутском мирном договоре, привела к тому, что русские люди, относившиеся к поколению, которое пережило это унижение, ждали того дня, когда японский милитаризм потерпит крах и исторические права России на утраченные территории будут восстановлены. Надеялись, что этот «узел противоречий», который по своей надежности и простоте вязания был близок к морскому узлу, будет раздернут рукой опытного политика.

Десятилетие 1907–1917 гг. охарактеризовано в монографии А.А. Кошкина как период временного и лишь видимого улучшения русско-японских отношений. Почему временного? Потому что их улучшили за счет Китая. Договорные акты 1907–1916 гг. фиксировали раздел сфер влияния двух держав в Северо-Восточном и Северном Китае (с. 124–130). Почему лишь видимого? Потому что к сближению России и Японии в значительной степени подстегнул нажим американской дипломатии, пытавшейся открыть двери этой части Китая для американских банков и монополий (с. 125–126). Настроение русской общественности по поводу сближения нашей страны с Японией очень тонко отразил видный общественный и государственный деятель той эпохи, почетный член Академии наук и Академии художеств, граф Иван Иванович Толстой, 10 августа 1910 г. оставивший в своем дневнике следующую запись: «Газеты сообщают о состоявшейся аннексии Кореи Японией, таким образом, закончилась глава истории, посвященная борьбе России с “англичанами Дальнего Востока”, полным торжеством последних»⁴⁴.

Синьхайская революция 1911 г., свергнувшая маньчжурскую монархию, и две русские революции 1917 г., особенно последняя по времени — социалистическая Октябрьская, привели к радикальному изменению стратегии держав (России, Китая и Японии) на мировой арене

и к перестройке международных отношений в регионе Восточной Азии и северной части Тихого океана.

Как показано в рецензируемой монографии, Советская Россия по сути своей была неприемлема для императорской Японии. Вместе с западными державами Страна восходящего солнца предприняла интервенцию, и 5 апреля 1918 г. японские войска высадились во Владивостоке. Японская интервенция отличалась от вооруженного вмешательства в дела России других стран тремя показателями. Во-первых, на российскую территорию было введено более 70 тыс. войск, а не 7 тыс., как договаривались «союзники» по оккупации. Во-вторых, продолжительностью — из Владивостока японцы эвакуировались только в конце 1922 г., а с Северного Сахалина их удалили лишь в 1925 г. И наконец, в-третьих, особой жестокостью по отношению к сопротивлявшемуся местному населению. Эти особенности вторжения Японии на территорию России объясняются попытками токийских правящих кругов воспользоваться тем, что в соседней стране шла гражданская война, и отторгнуть значительные части российской территории⁴⁵. В христианской традиции покаяние является одним из главных постулатов веры. Ни в буддизме, ни в синтоизме — основных японских религиях — такого понятия нет. Тем не менее император приносил китайскому народу извинения за все то зло, которое Китаю принесла японская агрессия. Что касается нашей страны, то никаких попыток признания вины с японской стороны не наблюдалось.

К 30-м гг. прошлого столетия японское руководство решило, что страна готова к тому, чтобы вступить в борьбу за передел мира. Неприятие социалистических идей привело Японию к подписанию 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта» с гитлеровской Германией. Около года спустя к этому пакту присоединилась и фашистская

Италия, в результате чего сложилась ось «Берлин — Рим — Токио». Оболочкой экспансионистской стратегии Японии стал пропагандистский план создания «Сферы процветания Восточной Азии». Обширные районы Азии добавились к старым планам территориальных захватов. Одной из важных составляющих стратегии Токио, что наглядно показывает А.А. Кошкин, было отторжение военным путем советского Дальнего Востока и Восточной Сибири, что обозначалось политологическим термином «*хокусин* — движение на север» (с. 147).

Японский посол в Москве Хирота летом 1931 г. рекомендовал начальнику генерального штаба проводить «решительную политику против Советской России и быть готовыми в любой момент начать войну с целью захвата Восточной Сибири». Тогда же военный атташе Японии в Москве подполковник Касахара Юкио писал в Токио: «Япония должна продвигаться по крайней мере до озера Байкал, рассматривая дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной империи, и создать там военные поселения на долгие годы» (с. 149).

В 1931 г. Япония захватила три северо-восточные провинции Китая и вышла к сухопутным границам с СССР и МНР. В связи с этим тот же Касахара Юкио торопил свое начальство в Токио: «Японо-советская война в будущем неизбежна... С точки зрения боеспособности СССР для нас было бы выгодным эту войну начать как можно скорее...» (с. 150). Советское руководство, учитывая нависшую угрозу, предложило Японии заключить договор о ненападении. Однако 13 декабря 1932 г. японская сторона официально заявила, что для этого еще «не созрел момент», и одновременно с этим император Хирохито одобрил план войны против СССР (с. 151). Этот план активно обсуждался и в следующем году, когда Япония заявила о своем выходе из Лиги Наций.

Седьмого июля 1937 г. Япония начала вторжение во внутренний, застенный

Китай. Так началась Вторая мировая война. За месяц до этого начальник штаба Квантунской армии генерал Тодзио Хидэки телеграфировал в Генеральный штаб: «Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны против СССР, наиболее целесообразной политикой является нанесение, прежде всего, удара, если позволят наши силы, по Нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу» (с. 156). Советский Союз оказал китайскому народу реальную помощь в его войне сопротивления японской агрессии. С сентября 1937 по июнь 1941 г. СССР направил в Китай 1235 самолетов, 1600 орудий различного калибра, свыше 14 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок. Советские военные летчики и другие специалисты активно сражались, защищая Китай⁴⁶.

А.А. Кошкин показал, что японская проверка прочности советских границ у оз. Хасан в июле — августе 1938 г. была связана с подготовкой к захвату в Китае одного из крупнейших промышленных центров — г. Ухань (с. 162, 167). На основе новых документов освещается весь ход этого инцидента (с. 162–168).

Вторично боевое соприкосновение японских и советских вооруженных сил произошло на р. Халхин-Гол в 1939 г. А.А. Кошкин, проведя широкий анализ японских документов, отмечает, что помимо осуществления чисто военной операции японское правительство преследовало и важные дипломатические цели. В военном отношении был задействован план, обозначившийся как «Операция № 8» — нанесение основного удара по СССР не через Приморье или Приамурье, а через Монголию в направлении Байкала. Японские военные считали, что на этом направлении «противник не ждал наступления» (с. 168). При этом, как отмечается в японской «Официальной истории»: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпе-

ния — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР» (с. 169).

Дипломатическая составляющая этой агрессии против МНР и одновременно против СССР заключалась в попытке усилить позиции японской стороны в ее стремлении добиться от Англии благожелательного нейтралитета в отношении войны в Китае. Секретные документы Квантунской армии гласили: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией» (с. 169–170). И японская дипломатия добилась успеха. 24 июля 1939 г., в разгар боев на Халхин-Голе, было подписано «Соглашение Арита—Крейги» о признании законной японской власти на оккупированной территории Китая.

Это соглашение получило в исторической литературе название «Дальневосточного мюнхенского сговора». В этой обстановке СССР 23 августа 1939 г. подписал пакт о ненападении с Германией. Временный поверенный в делах СССР в Японии сообщал в Москву 24 августа: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь...». Большинство членов правительства даже думали о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией (с. 176).

«Заключение этого договора ставит СССР в центр мировой политики», — заявил Чан Кайши советскому полпреду А.С. Панюшкину. Что касается поставленного советским дипломатом вопроса: «Не может ли Англия пойти на какую-либо сделку с Японией и принести в жертву интересы Китая?», Чан Кайши ответил, что «Китай не Чехословакия, поэтому, о чем бы ни договорились Япония и Англия, принести в жертву интересы Китая они не смогут, так как Китай ведет свою собственную политику»⁴⁷.

Япония также пыталась использовать военные действия против МНР на американском направлении своей дипломатической деятельности, запугивая США «угрозой большевизма», для того чтобы американская сторона отложила денонсацию торгового договора. Наконец, правящие круги Токио хотели поднять свой рейтинг в Берлине⁴⁸. Но все эти планы и расчеты были сорваны скоординированными действиями советско-монгольских войск (с. 170–175). Япония потерпела и военное, и политическое поражение (с. 175–176).

Но это не охладило захватнический пыл японских военных кругов. Они продолжали курс на то, чтобы «расширить подготовку к войне против СССР». Подготовка должна была закончиться к середине 1941 г. (180). Вместе с тем, как отмечает А.А. Кошкин, в Токио начали раздаваться голоса о необходимости заключить договор о ненападении с СССР, аналогичный советско-германскому пакту. Интересно ставился этот вопрос и в ходе советско-германских переговоров. «Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии», — поясняется в монографии (с. 181–182). В целом дипломатическая прелюдия японско-советского замирения в форме Пакта о ненападении написана А.А. Кошкиным на основе глубокого анализа международной обстановки и внутренних течений в японском руководстве (с. 191–222). Свообразным контрапунктом деятельности японской дипломатии на этом направлении стала одобренная кабинетом министров «Программа мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении». Пункт 2 этой программы гласил: «Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение» (с. 191). Реализовать этот пункт программы должен был министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ.

Несомненной заслугой автора является публикация стенограмм, освещающих совместные заседания Координационного совета правительства Японии и императорской Ставки (с. 235–241). Эти и другие японские документы щедро предоставлены А.А. Кошкиным для ознакомления с ними российских читателей. Они свидетельствуют о том, что в 30–40-е гг. XX столетия, когда явно приближался крах великих колониальных империй, Япония, воссоздавшая себя в конце XIX — начале XX в. в качестве реальной политической силы, пыталась строить свою колониальную империю. Ошибки стратегического планирования, вызванные непониманием основных тенденций всеобщей истории и мировой политики, вели страну к поражению.

В японско-германских отношениях в тот период главной задачей Японии была борьба против СССР (с. 197). А.А. Кошкин раскрывает антисоветскую направленность подписанного 27 сентября 1940 г. «Тройственного пакта» Германия — Италия — Япония (с. 201–202). На страницах книги показано, как советско-японские переговоры о подписании Договора о нейтралитете эволюционировали к Пакту о ненападении (с. 209)⁴⁹. 18 ноября в беседе с японским послом в Москве Татекавой В.М. Молотов заявил о компенсациях, которые СССР хотел бы получить в связи с подписанием этого Пакта. Первоначально советская сторона настаивала на возвращении Южного Сахалина и Курильских островов (с. 211), но в дальнейшем речь велась и о покупке Южного Сахалина и Курильских островов (с. 213). Важно и то, что Япония, получив в конце 1940 г. сведения о подготовке Германии к войне с СССР, стремилась подписать Пакт о нейтралитете или ненападении, чтобы не быть вовлеченной сразу же в эту войну (с. 215). Японская сторона преследовала две цели: во-первых — добиться от СССР отказа помощи Китаю, во-вторых — обеспечить тыл на севере в случае начала войны

против США и Великобритании на Тихом океане. Подписание Договора о нейтралитете состоялось в Москве 13 апреля 1941 г. (с. 214). Именно в этом месяце в Японии было введено нормированное распределение риса.

Нападение нацистской Германии на СССР дало повод руководящим кругам Японии обсудить советское направление политики Японии. На императорском совещании 2 июля 1941 г. за нападение на Советский Союз активно выступали принц Коноэ и начальник Генерального штаба армии Сугияма (с. 243–244). Но, пожалуй, наиболее откровенно сформулировал свои требования председатель Тайного совета Хара. «Я полагаю, — утверждал он, — все из вас согласятся, что война между Германией и Советским Союзом действительно является историческим шансом Японии. Поскольку Советский Союз поощряет распространение коммунизма во всем мире, мы будем вынуждены рано или поздно напасть на него. Но так как Империя все еще занята китайским инцидентом, мы не свободны в принятии решения о нападении на Советский Союз, как этого хотелось бы. Тем не менее я полагаю, что мы должны напасть на Советский Союз в удобный момент... Наша империя хотела бы избежать войны с Великобританией и Соединенными Штатами, пока мы будем заняты войной с Советским Союзом. Наш народ желает сразиться с ним... Я прошу вас, действуя в соответствии с духом Тройственного пакта, оказать всяческое содействие Германии... Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете для Японии было бы неэтично нападать на Советский Союз, но Советский Союз и сам привык к несоблюдению соглашений. Если же мы нападём на Советский Союз, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по Советскому Союзу. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен...» (с. 246–247).

Таким образом, нейтрализация более чем реальной угрозы со стороны Японии была в этот момент одной из важнейших задач советской дипломатии⁵⁰. Но следует подчеркнуть, что в Москве не было страхов по поводу возможности нападения Японии. А. Иден, посетивший Москву зимой 1941 г., 20 декабря в ходе его четвертой беседы с И. Сталиным поднял вопрос о Дальнем Востоке, попросив у Сталина помощи в борьбе с Японией. И. Сталин ответил, что «если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало бы, Советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах».

И, продолжая свои рассуждения, советский руководитель выдвинул парадоксальную идею, заявив, что он «полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии». Сталин полагал, что «нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражение на фронте. Тогда Гитлер пустит все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР»⁵¹.

Эта оценка оказалась совершенно точной. К началу немецкого наступле-

ния летом 1942 г. Квантунская группировка войск была значительно усилена. Японским генеральным штабом был составлен план наступления на советский Дальний Восток. В поход для захвата Приморья должны были бросить 30 пехотных дивизий, 4 авиадивизии (1500 самолетов) и около 1000 танков (с. 266). В разгар продвижения германских армий на Сталинград японский штаб сухопутных войск подготовил «Операцию № 51» — нанесение удара по Советскому Союзу силами авиации, 23 пехотных и танковых дивизий. И в период подготовки битвы на Курской дуге по настоянию Берлина летом 1943 г. в Токио обсуждался план нападения на Советский Союз⁵². Американская дипломатия, заинтересованная после Пёрл-Харбора в том, чтобы СССР участвовал в войне на Тихом океане, предупреждала советское руководство о возможности внезапного нападения Японии (с. 267).

Но Япония не спешила нанести свой удар. Сдерживающими факторами были: провал германского блицкрига, прочность советского строя, наличие мощной группировки советских Вооруженных сил на Дальнем Востоке (с. 260–263). Как указывалось еще 26 июля 1941 г. в одном из документов японской Ставки: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище» (с. 262). Значит, не был забыт налет советских бомбардировщиков, уничтоживших главную базу японской авиации на Тайване в 1937 г. Учитывались и налеты советских бомбардировщиков на Берлин летом 1941 г.

20 июля 1942 г. начальник оперативного управления Генерального штаба японской армии размышлял на страницах своего дневника: «В настоящее время необходимо решить вопрос о принципах руководства войной в целом. Видимо, в 1942–1943 гг. целесообразно будет избе-

гать решающих сражений, вести затяжную войну. Операцию против Советского Союза в настоящее время проводить нецелесообразно». На эту оценку ситуации, безусловно, повлияло и поражение, которое потерпело 4–7 июня 1942 г. японское авианосное соединение, пытавшееся захватить оперативную базу США у гавайского атолла Мидуэй, от американского Тихоокеанского флота. Боевые действия в основном осуществляли самолеты палубной авиации. Японская эскадра потеряла 4 авианосца, 2 тяжелых крейсера, 3 эсминца, несколько вспомогательных судов. Потери американцев составили 1 авианосец и 1 эсминец.

Внешняя политика Японии периода Второй мировой войны, маневры ее дипломатии в отношениях с Советским Союзом, военные приготовления — все это самым тщательным образом исследуется А.А. Кошкиным на огромном количестве японских документов и литературы. И надо отдать должное аналитическим донесениям Рихарда Зорге, которые широко приводятся в монографии.

После Сталинградской битвы наступил перелом в ходе войны на советско-германском фронте. Япония в это же время в феврале 1943 г. отступила после длительных боев с принадлежавших Великобритании Соломоновых островов. Ситуация явно складывалась так, что в руководстве Японии попытались разыграть советскую карту против США и Британии. Был составлен план «примирения СССР с Германией», результатом которого было бы усиление борьбы немцев против Англии и Америки, что позволило бы усилить Японии свои позиции в войне на Тихом океане (с. 272–274). Но победа советских войск на Курской дуге летом 1943 г. означала, что Германия проиграла войну.

В канун тегеранской встречи лидеров «большой тройки» в Москве 19–30 октября 1943 г. прошло совещание министров иностранных дел трех держав. Американский Объединенный комитет начальни-

ков штабов предложил обсудить на этом совещании документ, который содержал утверждение, что «полное участие России в войне против Японии после разгрома Германии имеет важное значение для более быстрого и сокрушительного разгрома Японии с наименьшими потерями для США и Великобритании» (с. 274).

Ф.Д. Рузвельт еще 5 октября 1943 г. высказал в своем ближайшем окружении суждение, что «Курилы должны быть на самом деле переданы России»⁵³. А.А. Кошкин справедливо отмечает, что Каирская декларация США, Китая и Великобритании от 3 декабря 1943 г. не противоречила изъятию Курил из-под юрисдикции Японии и передаче их Советскому Союзу. «Япония будет... изгнана со всех других территорий, которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности», — гласил текст Декларации, подписанный Рузвельтом, Черчиллем и Чан Кайши (с. 283). Заметим, что Китаю должен был быть возвращен остров Тайвань.

В Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем обсуждался вопрос об открытии второго фронта в Европе. Западные лидеры затронули вопрос об участии СССР в разгроме Японии. Сталин заключил свое ответное выступление словами: «...Когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии». Там же прошло и первое обсуждение проблемы восстановления после разгрома Японии прав СССР на утраченные в период японской экспансии территории (с. 275).

А. Гарриман, назначенный послом в Москву, вел переговоры с И. Сталиным от имени президента Рузвельта. 14 декабря 1944 г., отвечая на вопрос американской стороны о политическом урегулировании на Дальнем Востоке, И. Сталин ответил, что Советскому Союзу следует вернуть то, что было отторгнуто по Портсмутскому договору⁵⁴, а также передать Курильские острова. Напомнив Гар-

риману, что в Тегеране Рузвельт по собственной инициативе поднял вопрос об обеспечении СССР выхода к теплым морям, имея в виду Порт-Артур и Дальний, которыми Россия пользовалась раньше, Сталин сказал, что кроме этих портов для связи с ними и Владивостоком Советскому Союзу требуются КВЖД и ЮМЖД на правах аренды. При этом Китай должен полностью сохранить свой суверенитет на территориях, по которым проходят эти дороги (с. 284).

Ялтинское «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока» предусматривало вступление Советского Союза в войну против Японии. Оно было выработано и заключено руководителями СССР, США и Великобритании без особых трудностей. Требования, выдвинутые Сталиным на этих переговорах в качестве условия вступления СССР в войну против Японии, не встретили возражений со стороны Рузвельта и Черчилля. Напротив, некоторые условия в пользу СССР были предложены по их инициативе (с. 285–292). В Соглашении, в частности, подчеркивалось, что после победы над Японией Советскому Союзу будут возвращены Южный Сахалин с прилегающими к нему островами, а также переданы Курильские острова.

Для Сталина поражение Японии в этой войне было справедливым актом возмездия за тот ущерб, который был причинен России в 1905 г. Руководитель СССР стремился очистить историческую память народа своей страны, смея то пятно позора, которое оставила на ней война 1904–1905 гг. Он хорошо помнил то время, ему было тогда двадцать шесть лет. И обязательным компонентом восстановления национального достоинства было возвращение территориальных потерь.

Позже, когда Япония была разгромлена и повержена, он скажет: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и

подписала акт о безоговорочной капитуляции. Это значит, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»⁵⁵.

Как свидетельствует история, на протяжении конца XIX — первой половины XX столетия Япония была наиболее агрессивным государством региона, развязавшим четыре крупных войны против соседних государств, включая нашу страну. Международно-правовые акты, принятые союзными державами после разгрома японского милитаризма, были направлены на то, чтобы сделать невозможным его возрождение.

Вместе с тем следует учитывать, что «на Восточную и Юго-Восточную Азию распространилось то же советско-американское противостояние, которое наметилось в Европе после разгрома гитлеровской Германии. Правда, возможности США были здесь в тот момент более предпочтительными. Что же касается Японии, то она не играла больше никакой активной роли ни в мировых, ни даже в региональных делах»⁵⁶.

Мотивы действий американской администрации, пришедшей к власти после кончины Ф.Д. Рузвельта, раскрыл новый президент Г. Трумэн. «...Мы должны поддерживать свой полный контроль над Японией и Тихим океаном, — писал глава Белого дома госсекретарю Дж.Ф. Бирнсу. — Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство, мы должны сделать то же самое в Корее»⁵⁷.

В свою очередь, правящие круги Японии, опасавшиеся усиления коммунистического движения в стране⁵⁸ и учитывавшие противоречия между США и СССР⁵⁹, сделали ставку на сближение с Вашингтоном. Немедленно вслед за под-

писанием Акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. прошло заседание Тайного совета Японии, в ходе которого бывший министр иностранных дел Иосида утверждал, что «в Восточной Азии создается обстановка, которая породит противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами, в результате чего они будут сдерживать друг друга». В результате Тайный совет принял решение, гласившее: «Во всяком случае, мы должны придерживаться такого курса, который позволил бы нам заручиться доброжелательным отношением со стороны Соединенных Штатов»⁶⁰.

В 1956 г. в Лондоне и Москве прошли переговоры о нормализации послевоенных советско-японских отношений. 19 октября 1956 г. в Москве была подписана Совместная декларация СССР и Японии, которая прекратила состояние войны, восстановила дипломатические, экономические и культурные отношения двух стран. Решение территориальных вопросов было отложено на будущее⁶¹.

Казалось, что японское общество, возрождаясь после поражения страны во Второй мировой войне, должно было бы выработать иммунитет против милитаризации⁶². Однако обстановка холодной войны, в которой для Японии целями борьбы оказались СССР и Китай, подтачивала этот иммунитет. Джон Фостер Даллес был в не меньшей, а может быть, даже и в большей степени творцом холодной войны, чем Уинстон Черчилль. В Фултоне английский премьер оставил недокуренную сигару, из которой госсекретарь США сумел раздуть вселенский пожар. Его теория «отбрасывания коммунизма» относилась к отношениям Японии с ее соседями. Конечно, интересы возрождения страны требовали развития взаимовыгодных экономических отношений и с этими странами. Но эти интересы не стали императивом, закрывавшим путь к возрождению японского милитаризма. Милитаризм, как объясняет этот термин современная истори-

ческая наука, есть система политических, экономических и идеологических средств, используемых правящими кругами той или иной страны с целью наращивания военной мощи государства. События последних десятилетий показывают, что новая военно-политическая стратегия Японии — существенный шаг к милитаризации страны, следующим шагом уже может быть перенесение методов военной организации в область гражданских отношений. Встречает ли эта стратегия активное сопротивление японской общественности?

Факты убедительно свидетельствуют о том, что возможность манипулировать общественным мнением, мобилизовать нацию на поддержку антиконституционному милитаристскому курсу, в Японии вновь обретена правящей элитой. И в этом определяющую роль сыграл национализм. Становлению и развитию японского национализма способствовала одна из основных религий Японии — синто.

«Однако, несмотря на личные симпатии и антипатии, которые мы можем испытывать к японскому национализму, — отмечает крупнейший специалист по духовной культуре Японии А.Н. Мещеряков, — следует признать, что национализм и связанный с ним идейный комплекс являются одним из этапов существования нации и государственности («государство-нация», nation-state) в Новое и Новейшее время. Это утверждение справедливо как по отношению к Японии, так и по отношению к Западу, откуда японский национализм заимствовал свои основополагающие идеи. Существовавшее в традиционной японской культуре чрезвычайно резкое противопоставление по линии свой/чужой (это положение справедливо и для жителей отдельных деревень/регионов, и для представителей разных сословий), безусловно, облегчило использование синто в качестве инструмента японской нации и всего сопутствующего этому процессу

идеологического комплекса. В этом комплексе оппозиция свой/чужой была расширена до масштабов страны, одним из параметров, по которому проходит водораздел между японцами и не японцами, был признан синтоизм»⁶³.

Добавим к этому, что одним из главных синтоистских храмов является святилище *кокка синто* (государственного синто) *Ясукуни дзиндзя*, построенное в 1869 г. по указу знаменитого императора-реформатора *Мэйдзи* (1868–1912). Первоначально оно служило для увековечения памяти погибших за императора в закончившейся тогда гражданской войне. Впоследствии оно «стало основным государственным святилищем, где почитаются *ками* (духи) всех солдат и гражданских лиц, отдавших жизнь в войнах, которые вела Япония в XIX–XX вв. до 1945 г. Все они считаются *эйрэй* (героическими духами), и таким образом увековечивают не только память о погибших, но и прославляют те войны, участниками которых были. Среди почитаемых «героев» около 1000 военных преступников, осужденных Токийским и другими военными трибуналами. Всего в храме почитается более 2,5 млн *ками*⁶⁴. Таким образом, японский национализм срastaется с милитаризмом.

Японские руководители в послевоенные годы всегда подчеркивали, что они следуют «в фарватере внешней политики США». Вообще, у этого тезиса есть две стороны: одна — утрата некоторой части суверенитета государства; другая — обеспечение безопасности страны. Пойдя на поводу у США, продемонстрировав стратегическому партнеру, что японское руководство готово удовлетворять его требования, Япония одновременно оказалась перед лицом новых, очень важных проблем.

Одну из них я обозначил бы как вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН. КНР, как известно, против членства Страны восходящего солнца в Совбезе. Возможно, теперь и другие соседи

Японии, особенно те, к которым она, как и к Китаю, имеет территориальные притязания, присоединятся к голосу Пекина. Не способствовала улучшению имиджа Японии в глазах большинства членов ООН, в том числе большинства государств Совета Безопасности ООН, отправка японских военных в Ирак. Кстати, следует учитывать и то, что японское руководство, руководимое премьером Коидзуми, поддержало США не только в их иракской войне. Оно, как и вашингтонские политики, перешагнуло через внутренние и международные правовые акты на фоне все более расширяющегося игнорирования «неудобных» международных обязательств, в том числе и по Уставу ООН и Сан-Францисскому договору 1951 г. Это происходит под воздействием такой американской внешней политики, которую знаменитый сенатор Джон Уильям Фулбрайт охарактеризовал как «самонадеянность силы»⁶⁵.

Впервые возможность действий Вооруженных сил Японии за пределами страны была допущена в американо-японском меморандуме о военном сотрудничестве двух стран при «чрезвычайных обстоятельствах», подписанном в декабре 1986 г. Япония обязывалась обеспечить боевое охранение морского и воздушного пространств в западной части Тихого океана в акватории до 1000 миль от японского побережья. В следующем году Япония присоединилась к программе СОИ. В ходе визита Дж. Буша (старшего) в 1992 г. стороны договорились о «глобальном партнерстве». Таким образом, Япония с помощью американской дипломатии «вползала» в те решения и действия, характеристика которых проводилась выше. А как все это воспринималось обществом?

По свидетельству японских дипломатов и экспертов, в современной японской общественной психологии произошли существенные изменения. «В постмодернистской культуре не ТВ выступает зеркалом общества, а наобо-

рот, общество — зеркало ТВ». В результате возникает прототип «телевизионного человека», т.е. «своеобразной личности, почти полностью сформированной телеобразами и Интернетом. Это в первую очередь касается внешнеполитического мышления, поскольку большинство японцев не пользуется другими источниками получения информации о международных событиях»⁶⁶.

Поэтому принятый Японией в начале XXI в. курс на отказ от политики пацифизма и на изменение роли и задач своих вооруженных сил не родился как выражение воли, устремлений всей японской нации, не стал продуктом общественно-политической дискуссии внутри японского общества, а был утвержден в короткие сроки именно благодаря политической воле конкретной группы японских политиков, при одновременном нажиме со стороны Вашингтона. Желание неоконсерваторов, националистически настроенных политиков, (оказывающих все более заметное влияние в политической жизни Японии) расстаться с военно-политическими ограничениями послевоенной эпохи и создать условия для новой активной геополитической роли японского государства в прочном союзе с США в первые годы XXI столетия начало реализовываться в практической политике. Территориальные требования к России и являются частью этого плана.

В Токио в конце 2004 г. был одобрен и новый среднесрочный (на пять лет, до 2009 г.) план в области оборонных мероприятий⁶⁷. В нем КНР и КНДР были обозначены как потенциальные противники Японии. Как подчеркивалось в этом документе, Китай, который оказывает серьезное влияние на региональную безопасность, наращивает свою ракетно-ядерную мощь, модернизирует военный флот и военно-воздушные силы, становится все более активным на море. Северная Корея, в свою очередь, обвинялась в развитии, развертывании и

наращивании оружия массового уничтожения и баллистических ракет. Именно в 2004 г. тогдашний премьер Коидзуми совершил вояж на военном корабле у Южных Курил.

15 декабря 2006 г. Управление национальной обороны Японии превратилось в полноценное министерство. Хочу также заметить, что в те же годы было принято решение о посылке японского воинского контингента в Ирак.

Оценивая эту работу А.А. Кошкина как блестящее сочетание глубокого исторического исследования проблемы с освещением ее сегодняшнего значения для реальной политики нашей страны, хочу сделать несколько небольших замечаний.

Николай Николаевич Муравьев был не адмиралом (с. 67), а генералом от инфантерии и генерал-губернатором Восточной Сибири. В отношении нашей страны с островной империей есть десятилетие 1921–1931 гг., которое академик Г.Н. Севостьянов охарактеризовал как «период миротворчества во взаимоотношениях Советского государства и Японии». Среди важнейших проблем, находившихся в центре внимания Москвы в указанный период, было прекращение японской военной интервенции на советском Дальнем Востоке в целом (1921–1925), и, в частности, эвакуация японских войск из Приамурья и Приморья (1921–1922) и с Северного Сахалина (1921–1925). Установление дипло-

матических отношений с Токио заняло у Москвы около трех лет (1923–1925). Вопросы экономики — японских нефтяных и угольных концессий, рыболовства — также решались не без труда. Всему этому посвящен великолепный двухтомник «Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931»⁶⁸. Основу двухтомника составляют ранее не публиковавшиеся документы из Архива Президента РФ. Остается только выразить сожаление, что автор рецензируемой монографии не ознакомился с этой интереснейшей документальной коллекцией⁶⁹. Думаю, что надо было указать, что Дайрен (с. 141) — это японское название китайского г. Далянь (русс. Дальний). Эти замечания носят чисто редакционный характер и могут быть учтены автором в его последующей работе.

Монография А.А. Кошкина убедительно доказывает, что нынешняя политика Японии в отношении РФ — это заквашенное на национализме милитаристское прошлое нашего дальневосточного соседа, опрокинутое в сегодняшний день. Соответственно, и стратегия, применяемая для реализации этой политики, может быть охарактеризована как попытка въехать в будущее в карете прошлого. Это опасно потому, что как отмечают эксперты: «После завершения “японского экономического чуда” Страна восходящего солнца начинает самоутверждаться в другой роли — крутого парня. История повторяется»⁷⁰.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00483а.

² Lenson D.A. The Russian Rush toward Japan. Russo-Japanese Relations. 1697–1875. Princeton. 1959; Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960 (см. рец.: Мясников В.С. Россия и Япония: три века отношений / Мясников В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. Кн. 2. М., 2006. С. 252–255); Stephan John J. Sakhalin: A History. Oxford. 1971; его же, The Kuril Islands: Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford. 1974; Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979; Rees D. The Soviet Seizure of the Kuriles, N.Y. 1985; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988; Тихвинский С.Л. Россия — Япония: обречены на добрососедство (воспоминания дипломата и заметки историка). М., 1996. Широкопад А.Б. Япония. Незавершенное соперничество. М.: Вече, 2008; Галенин Б.Г. Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. Военно-историческое расследование. Т. I. Кн. 1, Кн. 2. М.: Крафт, 2009; Российский государственный архив социально-политической истории. Каталог документов о Японии 1904–1954 гг. / сост. Чихару Инаба, Д.Б. Павлов. Токио: Наука Лтд., 2001; История Японии в документах Российского государственного архива военно-морского флота (XVIII — начало XX в.).

СПб. — Токио: Гиперион, 2011. История Японии в документах Российского государственного исторического архива. СПб. — Токио, 2011. [Fainberg E. Ia. Russko-iaponskiye otnosheniya v 1697—1875 gg. M., 1960 (Sm.: rets.: Miasnikov V.S. Rossiya i Iaponiya: tri veka otnosheniya / Miasnikov V.S. Kvadratura kitaiskogo kruga. Izbranniye stat'yi. Kn. 2. M., 2006. С. 252—255); Russkaya tikhookeanskaya eropeya. Khabarovsk, 1979; Kutakov L.N. Rossiya i Iaponiya. M., 1988; Tikhvinskiy S.L. Rossiya-Iaponiya: obrecheny na dobrososedstvo (Vospominaniya diplomata I zametki istorika). M., 1996; Shirokorad A.B. Iaponiya. Nezavershennoye sopernichestvo. M.: Veche, 2008; Galenin B.G. Tsusima — znameniy kontsa russkoi istorii. Skryvayemye prichiny obtsheizvestnykh sobytii. Voенno-istoricheskoye rasslodovaniye. T. I. Kn. 1, Kn. 2. M.: Kraft, 2009; Rossiyskiy Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Katalog dokumentov o Iaponii 1904—1954 гг. Sost. Chikharu Inaba, D.B. Pavlov. Tokio : Nauka Ltd., 2001; Istoriya Iaponii v dokumentakh Rossiyskogo Gosudarstvennogo arkhiva voенno-morskogo flota (XVIII — nachalo XX v.). SPb. — Tokio: Giperion, 2011. Istoriya Iaponii v dokumentakh Rossiyskogo Gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. SPb. — Tokio, 2011.]

- ³ Кроме документов, приводимых в тексте, в книге есть специальный раздел «Документы и материалы» (с. 411—476), занимающий примерно одну шестую всего объема монографии.
- ⁴ В настоящее время остается открытым вопрос о начале Второй мировой войны. «...Китайская историография давно уже утверждает, что пора уже отойти от европоцентризма (который, по существу, подобен негритуду) в оценке этого события и признать, что начало этой войны падает на 7 июля 1937 г. и связано с агрессией Японии против Китая». См.: Мясников В.С. Вторая мировая война: трагедия от пролога на Дальнем Востоке до эпилога на Дальнем Востоке // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 79. [Miasnikov V.S. Vtoraya mirovaya voyna: tragediya ot prologa na Dal'nem Vostoke do epilog na dal'nem Vostoke // Partitura Vtoroi mirovoi. Groza na Vostoke. M.: Veche, 2010. С. 79]
- ⁵ В Порт-Артуре (кит. — Люйшунью) одна из центральных площадей обрамлена зданиями типичной японской архитектуры. Здесь находилась штаб-квартира Квантунской армии. В 50-е гг. к 10-летию Победы на этой площади была воздвигнута высокая колонна («столп») — великолепно оформленный монумент китайско-советской дружбы. «Почему именно на этом месте?» — спросил я. «Потому что, — объяснил мне китайский сопровождающий, — это символ. У нас на Востоке много символов, которые вы не понимаете. Мы вместе с вами разгромили японцев. И этот столб их позора, он их как бы придавил. Китайцы и корейцы это сразу понимают, а когда здесь бывают японцы, то их просто корчит».
- ⁶ Порт-Артур и другие воинские мемориалы за рубежом как инструмент [улучшения] международной репутации России. М., 2011. С. 55. [Port-Artur i drugie voinskiye memoriali za rubezhom kak instrument (uluchsheniya) mezhdunarodnoi reputatsiyi Rossii. M., 2011. S. 55]
- ⁷ Первым проблему окончания холодной войны поставил академик А.О. Чубарьян. В своем послесловии к сборнику статей «Холодная война 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива» (М., 2003) [Kholodnaya voyna 1945—1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva. M., 2003] Александр Оганович, подводя итоги изучения всего комплекса проблем, отметил: «Наконец, в поле зрения исследователей все в большей мере находится проблема окончания холодной войны. Уже прошли международные конференции, началась публикация документов. Но эта работа находится еще в самом начале» (с. 631).
- ⁸ В январе 1981 г., для того чтобы усилить свои претензии к СССР, кабинет премьер-министра Дзэнко Судзуки принял решение ежегодно 7 февраля отмечать «день северных территорий», так как это — дата подписания Симодского договора 1855 г.
- ⁹ Тавровский Ю.В. Проблема северных территорий — ящик Пандоры. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-02-09/3_kartblansh.html [Tavrovskiy Ju.V. Problema severnykh terrotpriu — yatschil Pandori. URL: http://www.ng.ru/politics/2011-02-09/3_kartblansh.html]
- ¹⁰ То есть Курильские острова, поясняет автор.
- ¹¹ Интереснейшие материалы о планах японского правительства по освоению о. Хоккайдо, а также о проходивших в Японии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. дискуссиях о морской обороне страны приводятся в статье В.В. Шепкина: Шепкин В.В. Дискуссия японских мыслителей XVIII—XIX вв. о морской обороне // Страны и народы Востока / под общ. ред. академика М.Н. Боголюбова. Вып. XXXIII. М., 2010. С. 147—175 (далее: Страны и народы Востока...). [Tschepkin V.V. Diskussiya iaponskih mislitlei XVIII — XIX vv. o morskoi oborone / Strani I narodi Vostoka / pod obtsch. red. akademika M.N. Bogoliubova. Vip. XXXIII. M., 2010. S. 147—175].
- ¹² См.: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XVIII вв. Хабаровск, 1997. С. 247—287. [Miasnikov V.S. Dogovornimi stat'iyami utverdili. Diplomaticheskaya istoriya russko-kitaiskoi granitsi XVII—XVIII vv. Khabarovsk, 1997. S. 247—287]. Предложение об установлении судоходства и связей с Китаем и Японией

- через Амурское устье было сделано Петру I казанским губернатором П.С. Салтыковым еще в 1713 г. (см.: Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. : сборник документов. М., 1984. С. 21–22). [Russkiye ekspeditsiyi po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoi polovine XVIII. Sbornik dokumentov. M., 1984. S. 21–22].
- ¹³ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. С. 329–330. [Russko-kitaiskiye otnosheniya v XVIII veke. Materiali I dokumenti. T. 1. 1700–1725. M., 1978. S. 329–330]
- ¹⁴ Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки, Канкай Ибун. Удивительные сведения об окружающих [землю] морях. Японская рукопись XIX в. Из рукописного фонда СПб ИВР РАН / пер., вступит. ст. и комм. В.Н. Горегляда. СПб. : Гиперион, 2009. [Otsuki Gantaku, Simura Khiroiyuki, Udivitelnie svedeniya ob okruzhaiushchih zemliu moriah. Iaponskaya rukopis' XIX v. Iz rukopisnogo fonda SPb IVR RAN. Perevod, vstupit. Statia I kommentarii V.N. Goregliada. SPb.: Giperion, 2009]
- ¹⁵ Новые сведения о планах Н.П. Резанова по изучению и освоению Курил и Сахалина сообщает О.В. Климова. См.: Климова О.В. Первая экспедиция Н.А. Хвостова на Сахалин в 1806 г. (по российским и японским источникам) // Страны и народы Востока. Вып. XXXIII. М., 2010. С. 176–189. [Klimova O.V. Pervaya erkspditsiya N.A. Khvostova na Sakhalin v 1806 g. (po rossiyskim I iaponskim istochnikam) / Strani I narodi Vostoka... Vip. XXXIII. M., 2010. S. 176–189]
- ¹⁶ Русско-китайские отношения в XIX веке. Материалы и документы. Т. 1. 1803–1807. М., 1995. Док. № 3. С. 43–45. [Russko-kitaiskiye otnosheniya v XIX veke. Materiali I dokumenti. T. 1. 1803–1807. M., 1995. Dok. № 3. S. 43–45]
- ¹⁷ Там же, док. № 64. С. 103–104. [ibid. Dok. № 64. S. 103–104]
- ¹⁸ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 257–258. [Istoriya vneshnei politiki Rossiyi. Pervaya polovina XIX veka. (Ot voyn Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.). M., 1995. S. 257–258]
- ¹⁹ РГИА. Ф. 139. Оп. 1. Д. 175. Л. 7–24 (подлинник проекта на фр. яз.); д. 176. Л. 19, 44–45.
- ²⁰ Щепкин В.В. Дискуссия японских мыслителей XVIII–XIX вв. о морской обороне... С. 173. [Tschepkin V.V. Diskussiya iaponskih mislitatelei XVIII–XIX vv. o morskoi oborone... S. 173]
- ²¹ История Японии с древнейших времен до 1868 года. Т. 1. М., 1998. С. 614. [Istoriya Iaponii s drevneishih vremen do 1686 goda. T. 1. M., 1998. S. 614]
- ²² Д'Анкосс Элен Каррер. Александр II. Весна России. М. : Росспэн, 2010. С. 179–180. [d'Ankoss Elen Karrer. Alexander II. Vesna Rossiyi. M. : Rosspen, 2010. S. 179–180]
- ²³ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. акад. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 64–69 (далее: Русско-китайские договорно-правовые акты). [Russko-kitaiskiye dogovorno-pravoviye akti (1689–1916) / pod obtsch. red. Ak. V.S. Miasnikova. M., 2004. S. 64–69]
- ²⁴ Искендеров А.А. Тоётоми Хидэёси. М., 1984. [Iskanderov A.A. Toyotomi Hideyosi. M., 1984]. Примечательно, что вторжение в Корею в 1592–1597 гг. входит в каталог знаменитых войн и сражений; Дил У. Япония. Средние века и начало Нового времени. Энциклопедический справочник. М. : Вече, 2011. С. 244. [Dil W. Iaponiya. Sredniye veka I nachalo novogo vremeni. Entsiklopedicheskiy spravochnik. M. : Veche, 2011. S. 244]
- ²⁵ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. Хабаровск, 1997. С. 332. [Miasnikov V.S. Dogovornimi stat'iami utverdili. Diplomaticeskaya istoriya russko-kitaiskoi granitsi XVII–XVIII vv. Khabarovsk, 1997. S. 332]
- ²⁶ Там же. С. 333. [ibid. S. 333]
- ²⁷ О переименовании китайско-японской войны 1894–1895 гг. в японо-китайскую см.: Мясников В.С. Третья дальневосточная война 1894–1895 гг. и эволюция политики России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 5. С. 81–94. [Miasnikov V.S. Tretiya dal'nevostochnaya voina 1894–1895 gg. I evolutsiya politiki Rossiyi v regione // Problemi Dal'nego Vostoka. 1995. № 5. S. 81–94]. См. также: Забровская Л.В. Историографические проблемы японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток, 1993. [Zabrovskaya L.V. Istoriographicheskiye problem iapono kitaiskoi voini 1894–1895 gg. Vladivostok. 1993]
- ²⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. I. Рассказы в стенографической записи. Кн. I. СПб., 2003. С. 434–461. [Vitte S.Iu. Vospominaniya. T. I. Rasskazi v stenographicheskoi zapisi. Kn. I. SPb., 2003. S. 434–461].
- ²⁹ Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 207–209. [Russko-kitaiskiye dogovorno-pravoviye akti. S. 207–209]. Договор был подписан прибывшим на коронацию Николая II канцлером Китая Ли Хун-чжаном и министром иностранных дел Лобановым-Ростовским. Визит Ли Хунчжана в Россию подробно описан в мемуарах С.Ю. Витте. См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. I. Рассказы в стенографической записи. Кн. I. СПб., 2003. С. 434–461. Среди фотографий

- есть портрет Ли Хун-чжана. Имеются краткие сведения о встрече с Ли Хунчжаном и в дневнике Николая II. См.: Дневники императора Николая II. 1894–1918. Т. I. 1894–1904. М.: Росспэн, 2011. С. 269.
- ³⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 208, 212–216. [Russko-kitaiskiye dogovorno-pravovyye akti. S. 208, 212–216]
- ³¹ Там же. [ibid.]
- ³² Там же. С. 221–224, 225–227. [ibid. S. 221–224, 225–227]
- ³³ В исторической литературе оно иногда именуется «боксерским», так как первоначально носило название «и-хэ-цюань» — «кулак во имя мира и справедливости», во второй фазе восстание переименовали в «и-хэ-туань» — «сплочение во имя мира и справедливости». О ходе восстания и событиях в Пекине см.: Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде Пекина. Май — август 1900 года. СПб., 1901. [Korsakov V.V. Pekinskiye sobitiya. Lichniye vospominaniya uchastnika ob osade Pekina. Mai-avgust 1900 goda. SPb., 1901]
- ³⁴ В.В. Корсаков так пишет о причинах этого восстания: «...Европейская христианская цивилизация внесла в среду языческого, но самобытно-культурного китайского народа такие лицемерие и неправду, что иного исхода, как ненависть и презрение у всех любящих свою родину, европейцы и не могли ожидать. Проявление этой общественной ненависти составляло вопрос времени и обстоятельств, ей благоприятствующих» (там же, с. xiv). [ibid, s. xiv]
- ³⁵ Подробнее см.: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 306–317. [Romanov B.A. Rossiya v Man'chzhurii (1892–1906). Ocherki po istorii vneshnei politiki samoderzhaviya v epohu imperializma. L., 1928. S. 306–317]
- ³⁶ Кикудзио Исии. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 9. [Kikudsiro Isiyi. Diplomaticheskiye kommentariyi. M., 1942, S. 9]
- ³⁷ Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История Древней Японии. М.: Наталис, 2010. С. 131–133. [Metscheriakov A.N., Grachev M.V. Istoriya Drevnei Iaponii. M.: Natalis, 2010. S. 131–133]
- ³⁸ См. также: Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. Изд. Е.Д. Кусковой. СПб., 1904; [Golovachev P. Rossiya na del'nem Vostoke. Izd. E.D. Kuskovoi. Spb. 1904]. Подробнейшим образом ход боевых действий в войне 1904–1905 гг., на Халхин-Голе и в ходе разгрома Квантунской армии осенью 1945 г. описан в монографии А.Б. Широкограда «Япония. Незавершенное соперничество». М., 2006. [Shirokograd A.B. Iaponiya. Nezavershennoye sopernichestvo. M., 2006]. Новый взгляд на события японо-русской войны приводится в книге: Галенин Б.Г. Цусима — знамение конца русской истории. Скрываемые причины общеизвестных событий. Т. I. М.: Крафт, 2009. Т. II. М., 2010. [Galenin B.G. Tsusima — znameniyе kotsa russkoi istorii. Skryvayemye prichini obtscheizvestnih sobytii. Voенno-istoricheskoye rasslodovaniye. T. I. M.: Kraft, 2009. T. II. M., 2010]
- ³⁹ Текст Портсмутского мирного договора и дополнительных статей к нему см.: Русско-китайские договорно-правовые акты. С. 522–528. [Russko-kitaiskiye dogovorno-pravovyye akti. S. 522–528]
- ⁴⁰ Широкоград А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М., 2006. С. 362. [Shirokograd A.B. Uterianniye zemli Rossii. Ot Petra I do Grazhdanskoi voini. M., 2006. S. 362]
- ⁴¹ Святитель Николай Японский. Краткое жизнеописание. Дневники 1870–1911 гг. СПб., 2007. С. 623.
- ⁴² Там же, с. 623–624. [ibid. S. 623–624]
- ⁴³ Там же, с. 705–709. [ibid. S. 705–709]
- ⁴⁴ Толстой И.И. Дневник: в 2 т. Т. II. 1910–1916. СПб., 2010. С. 96. [Tolstoi I.I. Dnevnik v dvuh tomah. T. II. 1910–1916. Spb., 2010. S. 96]
- ⁴⁵ В китайском трактате «36 стратагем» стратагема № 5 носит выразительное название: «Грабить во время пожара». Ее сущность расшифровывается несколькими вариантами: извлекать выгоду из нужды, трудностей, кризисного положения другого; нападать на поверженного в хаос противника. Стратагема стервятника. См.: Зенгер Харро фон. Стратагемы. Т. I: Стратагемы 1–16 / пер. с нем. А.В. Дыбо. Общая редакция, вступительная статья и комментарии ак. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 111. [Zenger Harro von. Stratagemi. T. I: stratagem 1–16 / perevod s nemetskogo A.V. Dybo. M., 2004. S. 111]
- ⁴⁶ Подробнее см.: Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Кн. 1. 1937–1944. М., 2000. [Russko-kitaiskiye otnosheniya v XX veke. Dokumenti i materialy. T. IV. Sovetsko-kitaiskiye otnosheniya. 1937–1944. M., 2000]
- ⁴⁷ Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Кн. 1. Док. № 373. [Russko-kitaiskiye otnosheniya v XX veke. Dokumenti i materialy. T.IV. kn. 1, dok. № 373].

- ⁴⁸ А.А. Кошкин приводит документальные свидетельства того, что Гитлер невысоко ценил своего дальневосточного союзника и давал уничижительные оценки императору Хирохито и его окружению (с. 218).
- ⁴⁹ При этом следовало удержать сражавшийся Китай от капитуляции перед Японией. В этом был смысл личного послания И. Сталина Чан Кайши от 16 октября 1940 г. (с. 207).
- ⁵⁰ Сиполс В.Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 93–98. [Sipols V.Ia. Taini diplomaticheskiye. Kanun Velikoi otechestvennoi voini. 1939–1941. M., 1997. S. 93–98].
- ⁵¹ Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. М., 1997. С. 58. [Rzheshhevskii O. A. Voyna i diplomatiya. Dokumenty i kommentarii. 1941–1942. M., 1997. S. 58].
- ⁵² Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 192–193. [Miroviye voini XX veka. Kn. 3. Vtoraya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk. M., 2002. S. 192–193].
- ⁵³ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. док. № 322, с. 455. [Miroviye voini XX veka. Kn. 4. Vtoraya mirovaya voina. Dokumenty i materialy. M., 2002. Dok. № 322. S. 455].
- ⁵⁴ Еще в период подготовки договора о нейтралитете В. Молотов подчеркивал в беседах с японским послом, что Портсмутский договор в связи с коренным изменением обстоятельств утратил свою силу.
- ⁵⁵ Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. док. № 419, с. 590. [Miroviye voini XX veka. Kn. 4. Vtoraya mirovaya voina. Dokumenty i materialy. M., 2002. Dok. № 419. S. 590].
- ⁵⁶ История Японии 1868–1998: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 2. М., 1999. С. 483. [Istoriya Japonii 1868–1998. Uchebnoe posobie. Izd. 2-e, ispr. i dop. T. 2. M., 1999. S. 483]. О подготовке США к послевоенному управлению Японией подробнее см.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1 (1945–1957 годы). М., 1978. С. 32–33. [Mezhdunarodniye otnosheniya na dal'nem Vostoke v poslevoenniye godi. T.1. (1945–1957 godi. M., 1978. S. 32–33].
- ⁵⁷ Harry S. Truman. The Memoirs. Vol. 1. P. 551–552. Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. Поражение милитаристской Японии. Окончание Второй мировой войны. М., 1980. С. 410. [Istoriya vtoroi mirovoi voini 1939–1945. T. 11. Porazhenie militaristskoi Japonii. Okonchaniye Vtoroi mirovoi voini. M., 1980. S. 410].
- ⁵⁸ Бывший премьер-министр принц Коноэ в докладе императору, поданном еще в феврале 1945 г. писал: «Наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за этим поражением» (История войны на Тихом океане. Т. 4. Приложение. М., 1957. С. 252). [Istoriya voini na Tikhom okeane. T.4. Prilozheniye. M., 1957. S. 252].
- ⁵⁹ Попытки японского правительства расколоть коалицию союзных держав для того, чтобы избежать безоговорочной капитуляции, а также действия советской и американской дипломатии по проблемам завершения войны с Японией и ее послевоенного устройства детально рассмотрены в статье академика Г.Н. Севостьянова «Япония 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы» // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 32–53. [Sevostianov G.N. Japoniya 1945 g. V otsenke sovetskih dimplomatov. Nobiye arkhivniye materialy // Novaia i noveishaya istoriya. 1995. № 6. S. 32–53]. Начальный этап дипломатической истории советско-японских отношений наиболее полно представлен в новой работе коллектива авторов под руководством академика Г.Н. Севостьянова «Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля: сборник документов: в 2 книгах / отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. Кн. 1. 1921–1925. Кн. 2. 1926–1931. М., 2007. [Sevostianov G.N. Moskva — Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya / Sbornik dokumentov. Kn. 1. 1921–1925. Kn. 2. 1926–1931. M.: Nauka, 2007].
- ⁶⁰ Цит. по: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1 (1945–1957 годы). М., 1978. С. 93. [Mezhdunarodniye otnosheniya na Dal'nem Vostoke v poslevoenniye godi. T. 1. (1945–1957). M., 1978. S. 93].
- ⁶¹ Казаков О.И. К 55-летию подписания Совместной декларации СССР и Японии 1956 года // Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. XXXIX. История и культура традиционной Японии 4. М., 2011. С. 430–442. [Kazakov O.I. K 55-letiiu podpisaniya Sovmestnoi deklaratsiyi SSSR I Japonii 1956 goda // Trudi Instituta vostochnih kultur I antichnosti RGGU. Vip. XXXIX. Istoriya I kul'tura traditsionnoi Japonii 4. M., 2011. S. 430–442].
- ⁶² Подробнее см.: Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. [Metscheriakov A.N. Bit' Japontsem. Istoriya, poetika I stsenografiya japonskogo totalitarizma. M., 2009].

- ⁶³ Мешеряков А.Н. Предисловие к книге «Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто». М., 2010. С. 7. [Metscheriakov A.N. Predisloviye / Bogi, sviatilitscha, obriadi Iaponiyi. Entsiklopediya sinto. M., 2010. S. 7]. См. также: Палкин А.Д. Россия и Япония: динамика нравов. М.: Наталис, 2010; [Palkin A.D. Rossoia I Iaponiya: dinamika nraov. M.: Natalis, 2010]. История японской культуры: учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Наталис, 2011. [Istoriya iaponskoi kul'turi. Uchebnoye posobiye dlia visshih uchebnykh zavedenii. M.: Natalis, 2011]
- ⁶⁴ Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия синто. М., 2010. С. 206–207. [Bogi, sviatilitscha, obriadi Iaponiyi. Entsiklopediya sinto. M., 2010. S. 206–207]
- ⁶⁵ Фулбрайт Дж.У. Самонадеянность силы. М., 1967 г. [Fulbright J.W. The arrogance of power M., 1967]
- ⁶⁶ Чугров С.В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010. С. 224. [Chugrov S.V. Iaponiya v poiskah novoi identichnosti. M., 2010. S. 224]
- ⁶⁷ План обеспечивал наращивание сил самообороны по сравнению с предыдущим уровнем. Так, в целом состав сил самообороны увеличивался со 160 тыс. до 166 тыс., причем регулярная армия возрастала со 145 тыс. до 156 тыс., количество танков возрастало с 900 до 930, а эсминцев с 50 до 52.
- ⁶⁸ Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля... [Sevostianov G.N. Moskva — Tokio. Politika I diplomatiya Kremliia...].
- ⁶⁹ Например, как в Политбюро в 1923 г. обсуждался вопрос о продаже Северного Сахалина японцам (док. № 84, 94, 104–110).
- ⁷⁰ Тавровский Ю.В. Острова в море ненависти. Япония продолжает войну с соседями — теперь в сфере эмоций // Независимая газета. 31.08.2012. [Tavrovskiy Ju.V. Ostrova v more nenavisti. Iaponiya prodolzhaet voynu s sosediami teper' v sfere emotsiy // Nezavisimaya gazeta. 31.08.2012.]